

Эволюция категории «правонарушение» в XVII—XVIII вв.

Аннотация. В статье исследуется процесс эволюции таких важнейших аспектов категории «правонарушение», как понятие «правонарушение», виды «правонарушений» и «состав правонарушения» в XVII—XVIII вв. в контексте важнейших памятников права указанного исторического периода — Соборного уложения 1649 г. и Артикула воинского 1715 г.

Ключевые слова: понятие «правонарушение», виды правонарушений, субъект правонарушения, субъективная сторона правонарушения, объективная сторона правонарушения, объект правонарушения.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.76.3.019-027

В период исторического развития нашего государства с IX по XVI в. категория «правонарушение» получила достаточно четкую разработку: появились различные трактовки феномена «правонарушение», были выделены отдельные виды правонарушений, а также отдельные элементы состава правонарушения. Однако дальнейшее развитие российского государства требовало новых подходов к определению понятия «правонарушение», расширения видов правонарушений, совершенствования элементов юридического состава правонарушения.

В 1648 г. произошло массовое восстание в Москве. В этой сложной ситуации был созван Земский собор, который продолжал свои заседания довольно долго. В 1649 г. на нем было принято знаменитое Соборное уложение. Как мы видим, принятие Соборного уложения было продиктовано множеством факторов,

сложившихся в жизни нашего государства того периода. Эту мысль хорошо иллюстрирует точка зрения М. Н. Гирник и В. Б. Храмова: «Изменение, упорядочивание и совершенствование законодательства, принятие Соборного уложения 1649 г. было событием закономерным и своевременным, обусловленным рядом социальных явлений, происходивших в обществе XVII века — самозванные цари, “смута”, раскол церкви, присоединение Украины»¹.

В период Уложения 1649 г. понятие преступления существенно изменяется и под преступлением понимается не только какое-либо посягательство на феодальный правопорядок, но и вообще всякое нарушение указа князя². В центре внимания законодателя находится уже не причинение вреда, а нарушение царской воли, посягательство на установленный правопорядок, основы политического и общественного строя. При этом Ю. П. Титов спра-

¹ Гирник М. Н., Храмов В. Б. Соборное уложение 1649 года как результат социального развития России // Культура и время перемен. 2015. № 3 (10). С. 13.

² Федорова А. Н. Эволюция понятия «правонарушение» в период XV—XVII вв. // Вектор науки ТГУ. № 3 (6). 2011. С. 93.

© Егоров А. А., 2017

* Егоров Александр Александрович, аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Egorov.a90@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ведливо отмечает, что противоправность как важнейший элемент понятия уголовно наказуемого деяния достаточно четко законом не определена, что давало возможность произвольно, по усмотрению судебно-административных органов устанавливать рамки уголовной ответственности³.

Таким образом, понятие преступления имело неоднозначный смысл, что приводило к возможности для судебно-административных органов произвольно устанавливать рамки уголовной ответственности. Соборное уложение 1649 г. устанавливает не только широкий перечень преступных деяний по сравнению с предшествующими памятниками права, но и более системно освещает эти составы. Здесь важно отметить новацию по сравнению с предшествующим законодательством: Соборное уложение 1649 г. не только закрепляет конкретные виды преступных деяний, но и устанавливает ответственность за угрозу совершения преступления. Так, статья 202 главы X Соборного уложения 1649 г. предусматривает ответственность за угрозу сжечь дом или гумно с хлебом или иной какой убыток учинить⁴.

Среди составов преступных деяний на первое место Уложение ставит преступления против церкви. История нашего государства однозначно свидетельствует, что православная церковь была неотъемлемой частью государственного устройства России. Церковь выступала духовной опорой централизованной власти государства, светская же власть царя или государя представлялась как земное воплощение божественной воли.

Анализ Соборного уложения 1649 г. показывает, что только ст. 1 гл. I брала под защиту вероучение христианской церкви⁵. Однако в этой статье не упоминается о христианской вере вообще, о Священном Писании, о таинствах церкви и не проводится различие между богохулением и кощунством. Остальные восемь статей брали под защиту саму церковь как учреждение, а также сложившийся в ней чин службы.

Закон защищал честь и неприкосновенность высших иерархов, прежде всего в момент совершения ими службы в храме. В тексте Уложения мы находим термин «бесчинник», под которым понималось лицо, виновное в срыве богослужения или в том, что оно говорило непристойные речи высшим иерархам.

Особенно сурово каралось убийство, совершенное в стенах церкви. То есть на первое место ставится не сам факт причинения смерти, а место совершения преступления. В случае нанесения ранения вследствие нападения или избиения в стенах церкви — «торговая казнь без пощады», тюремное заключение на месяц и возмещение в двойном размере бесчестья раненому (глава I, ст. 5)⁶.

Прослеживается непоследовательность законодателя. Так, кража церковного имущества, совершение которой предполагалось вне времени богослужения, выделена из состава преступлений против церкви и рассматривалась в главе XXI — «О разбойных и о татинных делах», а совращение православных в нехристианскую веру также выделено из главы I. Необходимо отметить, что Соборное уложение 1649 г. явилось первым светским законодательным памятником. До Уложения этот ряд преступлений и ряд иных, предусмотренных в других главах Кодекса, подлежали церковной юрисдикции, которая осуществлялась на основе законов, получивших отражение в Кормчих и других памятниках церковного права⁷.

Важное место в Уложении занимали преступления должностных лиц судебных органов. Уложение требовало от судей всех рангов «всякая расправа делати всем людем Московского государства, от большего и до меньшого чину, вправду». Законодатель здесь особо отмечает неправый суд за взятку или в результате пристрастного отношения к подсудимому по мотивам дружбы или вражды. Судьи снимались с должностей, думные чины лишались чести, а недумные подвергались торговой казни (гл. X, ст. 5, 6, 15)⁸.

³ Титов Ю. П. История государства и права России. М., 2012. С. 107.

⁴ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 54.

⁵ Указ. соч. С. 19.

⁶ Указ. соч. С. 19.

⁷ Указ. соч. С. 141.

⁸ Указ. соч. С. 31—32.

Важно отметить, что, определяя строгие кары для судей за посул и неправое решение дела, Уложение предоставляло возможность судьям обходить данные нарушения закона. Так, статья 7 главы X говорит, что если посул взят родственником судьи без его ведома, то судья не несет ответственности⁹.

Наказывалось также нерадивое отношение к судебским обязанностям, волокита с рассмотрением дел в приказах «для своей корысти», изменения текста судебного списка при его переписке набело подьячим по собственному усмотрению или по велению дьяка, вынос судебного дела из приказа «для хитрости» и т.п.

Таким образом, Уложение требовало от всех судей справедливого суда и запрещало им решать дела, руководствуясь мотивами дружбы или вражды. Ответственности подлежали не только судьи, но и судебские чины более низких рангов. Однако суровость закона в отношении посулов и неправого суда компенсировалась возможностями его обхода путем получения посулов не самим судьей, а его родственниками, что, несомненно, использовалось на практике.

Соборное уложение 1649 года, в отличие от предшествующих памятников права, подробно регламентирует деяния, направленные против личности государя. К этой группе преступлений относились не только «непристойные речи» о царе и членах его семьи, но и осквернение его изображения или искажение титула в челобитных, убийство, причинение вреда здоровью, оскорбление словом или действием, ношение оружия или стрельба из него и т.д.

Важную категорию преступлений составляло убийство. Однако здесь можно отметить, что убийство по Соборному уложению 1649 г. — это не просто «всякое лихое дело». Можно четко проследить дифференциацию убийств по направленности умысла на умышленные, неосторожные и случайные. Как справедливо отмечает А. И. Сидоркин: «В противоположность судебникам, по которым всякое убийство (“душегубство”) влекло за собой смертную казнь, если оно было совершено “лихим человеком”, Уложение 1649 г. довольно четко

подразделяет преступления против жизни на умышленные, неосторожные и случайные»¹⁰. Таким образом, законодатель предлагает уже достаточно развитую юридическую конструкцию дифференциации преступлений в зависимости от направленности умысла преступника.

Интерес представляет норма Уложения, говорящая об отравлении мужа «зельем», которое расценивалось как умышленное убийство. Здесь очевидна неоднозначность этой квалификации, так как жена могла напоить мужа снадобьем не с целью убить, а с целью «привязать» к себе. Налицо причинение смерти по неосторожности. Однако совершенно очевидно, что церковно-светское законодательство рассматривало всякие зелья как продолжение традиций язычества, возврат к которому был немислим. Этим обстоятельством можно объяснить применение смертной казни.

Важное место в Уложении занимает причинение смерти по неосторожности. Так, Уложение предусматривало применение смертной казни к человеку, который «с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчет и повалит... А будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое его дело самого казнити смертию» (гл. XXII, ст. 17)¹¹. Как видим, налицо классический пример причинения смерти по неосторожности. Возможно, применение в этом случае смертной казни связано с тем, что законодатель ассоциирует наступление смерти с действиями виновного, которые он совершил с похвалы или с пьянства, чем открыто противопоставил себя обществу.

Соборное уложение 1649 г. внесло новации и в характеристику состава правонарушения, которые существенно усовершенствовали данную юридическую конструкцию применительно к конкретной исторической ситуации и потребностям общественного развития нашего государства.

Соборное уложение 1649 г. в качестве субъектов правонарушения признавало собственно граждан и иностранцев. Прямо закрепляется положение, согласно которому суд государя

⁹ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. Л., С. 31.

¹⁰ Сидоркин А. И. Определение наказания за преступления против жизни и здоровья в Соборном уложении 1649 года // Российский юридический журнал. 2005. № 3. С. 138.

¹¹ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. С. 130—131.

царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси распространяется на всех людей Московского государства, а также на приезжих иноземцев (гл. X, ст. 1)¹².

Прогрессивным достижением законодателя стало закрепление возможности привлечения к ответственности лиц всех сословий, особенно в случае совершения умышленного убийства. Как справедливо отмечает А. Н. Федорова: «К ответственности могли быть привлечены люди всех сословий, уголовная ответственность распространялась и на холопов. За непредставление холопов на суд их владелец карался отнятием поместья»¹³.

Важно отметить, что для характеристики субъекта правонарушения Соборное уложение 1649 г. использует упомянутый ранее термин «бесчинник», под которым понимается лицо, совершающее преступление против церкви. Продолжая традицию судебныхников Московского государства, Соборное уложение вводит новые нормы, касающиеся привлечения к ответственности специальных субъектов правонарушения — судебных должностных лиц.

В некоторых случаях специальным субъектом правонарушения являются не только судебные должностные лица, но и простые люди Московского государства. Так, например, учинить смертное убийство своему мужу, согласно гл. XXII ст. 14 Уложения, может только его жена¹⁴.

Как уже было отмечено, субъективная сторона преступления характеризуется деяниями умышленными, неосторожными и случайными. Это, бесспорно, более высокий уровень юридической техники по сравнению с Судебниками Московского государства, которые говорили о деяниях «хитростных» и «бесхитростных».

Объективная сторона в большинстве случаев характеризует деяние как действие. Бесспорно, подавляющее большинство деяний (таких как убийство, причинение телесных повреждений, кража, грабеж, разбой, получение судьей взятки) совершались путем активных действий. Однако преступление могло

совершаться и путем бездействия. Например, Уложение устанавливало ответственность лиц, имеющих сведения о краже, грабеже или разбое, за недоносительство.

Важным элементом объективной стороны является место совершения преступления. Так, особенно сурово карались преступления, совершенные в церкви и на государевом дворе.

Продолжая традицию, заложенную судебниками Московского государства, Соборное уложение 1649 г. не только устанавливает разные меры ответственности для лиц, совершивших преступление в соучастии, но и различает главных исполнителей и их соучастников. Тому, кто наносил ранение, предписывалось отсечь руку, а «товарищей его, которые с ним приезжали, бити кнутом и дати на поруки». Как справедливо отмечает А. Г. Маньков: «Соучастники нанесения телесных повреждений отвечали в меньшей мере, чем главный виновник»¹⁵. Помимо этого со всех участников нападения бралось за бесчестье и за увечье вдвое в пользу пострадавшего (гл. X ст. 199)¹⁶. Таким образом, можно предположить, что с совершением преступления в соучастии законодатель связывает повышенную степень общественной опасности.

Уложение отмечает некоторые смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Смягчающими вину обстоятельствами являлись малый возраст, воровство вследствие «нужды» и «простого ума». К отягчающим — убийство «в разбое», ночная татьба, преступление, совершенное в церкви, на государевом дворе или в отношении должностного лица, «скоп и сговор», во время стихийного бедствия или совокупность преступлений.

К числу объектов можно отнести церковь, государское здоровье и честь, государев двор, порядок управления и осуществления правосудия, личность, имущество. К числу объектов преступного посягательства также относилась нравственность: непочитание детьми своих родителей, сводничество, «блуд» жены (но не мужа), половая связь господина с рабой.

¹² Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. С. 31.

¹³ Федорова А. Н. Субъекты юридической ответственности по Соборному уложению 1649 года // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 4. С. 109.

¹⁴ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. С. 130.

¹⁵ Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. М., 2003., С. 302.

¹⁶ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. С. 53.

К концу XVII в. в России складывается совокупность экономических, социальных и политических условий, которая приводит к образованию абсолютной монархии, возникшей не сразу после образования централизованного государства и установления самодержавного строя, так как самодержавие еще не есть абсолютизм.

Усложнение общественных отношений, произошедшее в период царствования Петра I, привело к тому, что Соборное уложение 1649 г. во многих случаях не отражало фактических общественных отношений. Требовался не универсальный правовой документ, а систематизированные акты по отдельным сферам жизни общества. Как справедливо отмечают И. Упоров и В. Чорный: «Поэтому издание Артикула воинского 1715 г. и других нормативных актов петровской эпохи как раз и можно считать первыми попытками разделения российского права по отдельным отраслям, которое получит сильный импульс в XIX веке»¹⁷. Таким образом, конкретная историческая обстановка приводит к тому, что Соборное уложение 1649 г. как единый систематизированный нормативный акт уже не всегда отражает реально сложившиеся отношения в обществе и не в состоянии урегулировать любое общественное отношение.

Артикул воинский содержал главным образом нормы уголовного права. Кроме того, в нем имеется много сугубо военных правил и норм государственного права. Так, артикул 20 определяет положение самодержца при абсолютной монархии, который есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах «ответу дать не должен»¹⁸.

Важно отметить, что Артикул воинский, действуя наряду с Соборным уложением 1649 г., предназначался прежде всего для военнослужащих и должен был применяться военными судами. Однако то обстоятельство, что он содержал статьи о преступлениях не только воинских, но и общегосударственных, предопределило его применение на практике и общими судами.

Хотя Артикул воинский использует термин «преступление», определение данного понятия в нем не содержится, тем не менее из содержания его статей такое определение можно вывести. Как справедливо отмечает Е. В. Епифанова, «в XVII веке под преступлением стали понимать не только нарушение закона и ослушание царской воли, но и деяния, наносящие вред и убыток государству, а также все, что могло быть рассмотрено как вражеское и предосудительное против персоны его величества»¹⁹. Таким образом, понятие «преступление» становится значительно шире и совершеннее, чем по Соборному уложению 1649 г., которое рассматривало преступление как нарушение закона и нарушение царской воли.

Говоря о преступлениях против религии и церкви, которые регламентировались главами I и II Артикула воинского, необходимо отметить принципиальные отличия от главы I Соборного уложения 1649 г. Если Соборное уложение 1649 г. использует понятия «богохульники» и «церковные мятежники», то Артикул воинский говорит о «чародеях» и «волшебниках». При этом важная новация заключается в том, что ответственности теперь подлежат не только чародеи и волшебники, но и подстрекатели, «кто чародея подкупит или к тому склонит» (арт. 2), т.е. расширяется перечень субъектов преступления. Более того, Артикул воинский понимает под богохульством не только возложение хулы на Господа Бога и его святых угодников, но и непочтительные отзывы о церкви, и противление ей и ее обрядам, а также произнесение имени Божьего «всуе». Вводится ответственность за недонесение о богохульстве (арт. 5).

Анализ преступлений против церкви приводит к противоречию: с одной стороны, преступления против церкви приравнивались к государственным, и шире применялась смертная казнь, с другой — церковное наказание стало использоваться реже, оно в большей степени

¹⁷ Упоров И., Чорный В. Виды уголовных наказаний и порядок их исполнения, установленных в первых кодифицированных нормативных правовых актах России. Лекция по курсу «Уголовно-исполнительное право». Рязань, 1998. С. 32.

¹⁸ Артикул воинский : С кратким толкованием и с процессами. СПб. : Имп. акад. наук, 1777. С. 10.

¹⁹ Епифанова Е. В. Действие норм Соборного уложения 1649 г. и Воинского артикула 1715 г. о преступлениях на примере материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов // Юридические науки. 2013. № 1. С. 131.

играло второстепенную роль²⁰. Данное противоречие объясняется тем, что во-первых, государство, стремясь подчинить себе церковь, рассматривает посягательство на ее интересы как на свои собственные и чаще применяет в этих случаях смертную казнь, а во-вторых, можно предположить, что использование мер государственного принуждения за посягательства на церковь подчеркивало верховенство государства над церковью и вытесняло церковное наказание.

Очень важное место Артикул воинский отводит государственным преступлениям, что обусловлено становлением абсолютной монархии в России и распространением власти монарха на все сферы жизни общества. Этот тезис хорошо подтверждает мысль И. А. Артёменко: «Следует отметить, что в имперский период в законодательных актах наблюдается резкое разделение между общеуголовными и государственными преступлениями»²¹.

Наиболее тяжкими государственными преступлениями считались деяния, посягающие на жизнь и здоровье государя, его семью или оскорбление их действием. Если Соборное уложение 1649 г. впервые достаточно подробно закрепило перечень деяний, посягающих на государя, его семью и государев двор, то Артикул воинский предельно сурово карал не только покушение на государя и членов его семьи, но и голый умысел на совершение этих деяний (арт. 19—20). Данное нововведение можно объяснить становлением абсолютной монархии и обожествлением личности государя.

Дальнейшее детальное развитие получили такие деяния, как измена, бунт, возмущение. Т. Ю. Сухондяева пишет: «Поскольку главное острие уголовной репрессии направлялось против угнетенных народных масс, возрас- тала ответственность за такие посягательства на власть, как бунт и возмущение»²². Артикул 133 приравнивал к ним «непристойные подозрительные сходбища», хотя бы и не ради преступных целей, просто разного рода «собрания

для советов каких-нибудь или для челобитья». Помимо этого, наказывались офицеры, которые «к сему повод дали или не помешали подобным сходбищам, а также те, кто слышал слова или читал письма о бунте и возмущении и не донесли об этом» (арт. 133, 136). Таким образом, по сравнению с предыдущим законодательством, не только добавляются к измене такие деяния, как бунт и возмущение, но и расширяется круг субъектов данных деяний.

Продолжая традицию Соборного уложения 1649 г., Артикул воинский делит убийство на простое и квалифицированное. Анализ артикула 154 позволяет сделать вывод, что речь идет именно о простом убийстве, которое предполагает принцип отщипания. Таким образом, несмотря на достаточно высокий уровень законодательства эпохи Петра I, можно констатировать сохранение некоторых архаичных элементов.

К числу квалифицированных составов убийства можно отнести убийство, совершенное зависимыми людьми, — детьми, крепостными, что в целом соответствует традиции Соборного уложения 1649 г. Вместе с тем Артикул воинский к квалифицированному убийству относит также убийство офицера солдатом, что является новшеством (арт. 163). Указанный случай можно объяснить общей военной политикой Петра.

Артикул воинский относит к ведению светского суда дела о самоубийствах и дуэлях впервые. Так, самоубийца теперь рассматривается как нарушитель интересов государства, которому жизнь была необходима для ведения войн, развития народного хозяйства, промышленности и т.д. Анализ артикула 164 позволяет говорить об особой опасности самоубийства, так как палачу «надлежало тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу». Таким образом, законодатель преследовал цель устрашения, чтобы, глядя на то, другим не повадно было. Новацией Артикула воинского стало также выделение в отдельный состав дуэли.

²⁰ Павлушков А. Р. К вопросу о статусе Русской православной церкви и применении церковного наказания во второй половине XVII — начале XVIII века // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. 2013. № 3. С. 36.

²¹ Артёменко И. А. Понятие преступления в правоприменительной деятельности XVIII века // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 6. С. 115.

²² Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII — начало XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 38.

Историки XIX в. рассматривали дуэль так же, как и самоубийство, — в качестве акта «самоуправства», наносящего вред государственным интересам, и относили его к преступлениям против порядка управления²³. Действительно, анализ данного деяния приводит к неоднозначному выводу. С одной стороны, дуэль находится в главе, посвященной возмущению, бунту и драке (арт. 139, 140), что предполагает отнесение данного состава к числу посягательств на порядок управления и общественный порядок. С другой стороны, с точки зрения современной юридической науки, которая рассматривает в качестве первоочередной ценности жизнь и здоровье человека, данное деяние в первую очередь посягает на жизнь. Поэтому данное деяние нельзя однозначно отнести ни к посягательствам на порядок управления ни к посягательствам на жизнь. Законодатель видел особую опасность в этом преступлении и предписывал повесить дуэлянтов, как живых, так и мертвых.

Важное значение Артикул воинский придавал и посягательствам на семейные ценности и нравственность. Так, понятие «изнасилование» было известно еще Соборному уложению 1649 г., однако Артикул воинский существенно расширяет данную категорию преступных деяний. Артикул воинский уточняет объект преступления, включая в него весь «женский пол, старую и молодую, замужнюю и холостую, в неприятельской или дружеской земле, честную женщину или блудницу»²⁴. В то же время Артикул воинский идет значительно дальше и предусматривает ответственность за смешение человека со скотом и безумною тварию, а также за мужеложество (арт. 165, 166).

Артикул воинский впервые в истории русского права регламентировал воинские преступления, т.е. преступления, направленные против установленного порядка несения военной службы²⁵. Если Соборное уложение 1649 г. только намечает отдельные виды воинских преступлений, то Артикул воинский не просто расширяет этот перечень, а выводит регламентацию данного вида деяний на гораздо более высокий уровень.

Артикул воинский внес существенные новации и в конструкцию состава правонарушения. Так, под лицами младенческого возраста понимались недоросли старше 7, но меньше 15 лет. Артикул воинский развивает также категорию «особый субъект». Большое число деяний могло быть совершено только военными служащими.

Артикул воинский предусматривал достаточно большой перечень смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. Новация заключается в том, что впервые состояние опьянения рассматривается как отягчающее вину обстоятельство. Вместе с тем анализ артикула 141 позволяет говорить о том, что драка в пьяном виде не увеличивала наказание. Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель проводит эту линию недостаточно последовательно.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в период с XVII по XVIII в. произошли следующие качественные изменения категории «правонарушение»: появляется термин «преступление», в светском законодательстве впервые закрепляются преступления против церкви, выделяются деяния, посягающие на личность государя, а также конкретизируются и дополняются элементы конструкции юридического состава правонарушения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артёменко И. А. Понятие преступления в правоприменительной деятельности XVIII века // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2013. — № 6. — С. 115—116.
2. Белозеров Б. П., Петров К. В. Воинские артикулы как памятник русского права в период абсолютизма. — СПб., 2003.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — СПб., 1909.

²³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 367; Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1871. Т. 2, С. 362.

²⁴ Сухондяева Т. Ю. Указ. соч. С. 42.

²⁵ Белозеров Б. П., Петров К. В. Воинские артикулы как памятник русского права в период абсолютизма. СПб., 2003. С. 3.

4. Гирник М. Н., Храмов В. Б. Соборное уложение 1649 года как результат социального развития России // Культура и время перемен. — 2015. — № 3 (10).
5. Епифанова Е. В. Действие норм Соборного уложения 1649 г. и Воинского артикула 1715 г. о преступлениях на примере материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов // Юридические науки. — 2013. — № 1. — С. 128—134.
6. Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. — Л., 1987. — 448 с.
7. Павлушков А. Р. К вопросу о статусе Русской православной церкви и применении церковного наказания во второй половине XVII — начале XVIII века // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. — 2013. — № 3. — С. 29—37.
8. Сидоркин А. И. Определение наказания за преступления против жизни и здоровья в Соборном уложении 1649 года // Российский юридический журнал. — 2005. — № 3. — С. 137—143.
9. Сухондяева Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII — начало XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006. — 210 с.
10. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. — СПб., 1871. — Т. 2.
11. Титов Ю. П. История государства и права России. — М., 2012. — 544 с.
12. Упоров И., Чорный В. Виды уголовных наказаний и порядок их исполнения, установленных в первых кодифицированных нормативных правовых актах России. Лекция по курсу «Уголовно-исполнительное право». — Рязань, 1998.
13. Федорова А. Н. Субъекты юридической ответственности по Соборному уложению 1649 года // Вестник Самарского юридического института. — 2014. — № 4. — С. 109—111.
14. Федорова А. Н. Эволюция понятия правонарушения в период XV—XVII вв. // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 3 (6). — С. 90—94.

Материал поступил в редакцию 16 июля 2016 г.

EVOLUTION OF THE CONCEPT "OFFENCE" IN THE XVII—XVIII CENTURIES

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate Student of the Department of the Theory of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Egorov.a90@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

***Review.** The article explores the evolution of such critical aspects of the category offence as an offence definition, types of offences and elements of an offence in XVII-XVIII centuries in the context of the most important heritages of law of the specified historical period — the Council Code of 1649 the Articles of War of 1715.*

***Keywords:** definition of an offence, types of offences, subject of the offence, mental element of an offence, objective element of an offence, object of an offence.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artjomenko I. A. Ponjatje prestuplenija v pravoprimeritel'noj dejatel'nosti XVIII veka // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. — 2013. — № 6. — S. 115—116.
2. Belozеров В. Р., Петров К. В. Воинские артикулы как памятник русского права в период абсолютизма. — СПб., 2003.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — СПб., 1909.
4. Гирник М. Н., Храмов В. Б. Соборное уложение 1649 года как результат социального развития России // Культура и время перемен. — 2015. — № 3 (10).
5. Епифанова Е. В. Действие норм Соборного уложения 1649 г. и Воинского артикула 1715 г. о преступлениях на примере материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов // Юридические науки. — 2013. — № 1. — С. 128—134.

6. *Man'kov A. G.* Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii. — L., 1987. — 448 s.
7. *Pavlushkov A. R.* K voprosu o statuse Russkoj pravoslavnoj cerkvi i primenenii cerkovnogo nakazaniya vo vtoroj polovine XVII — nachale XVIII veka // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) fed. un-ta. — 2013. — № 3. — S. 29—37.
8. *Sidorkin A. I.* Opredelenie nakazaniya za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ja v Sobornom ulozhenii 1649 goda // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2005. — № 3. — S. 137—143.
9. *Suhondjaeva T. Ju.* Rossijskoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo i ego jevoljucija v period absoljutizma (XVIII — nachalo XX v.) : dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb., 2006. — 210 s.
10. *Tagancev N. S.* O prestuplenijah protiv zhizni po russkomu pravu. — SPb., 1871. — T. 2.
11. *Titov Ju. P.* Istorija gosudarstva i prava Rossii. — M., 2012. — 544 s.
12. *Uporov I., Chornyj V.* Vidy ugolovnyh nakazanij i porjadok iz ispolnenija, ustanovlennyh v pervyh kodificirovannyh normativnyh pravovyh aktah Rossii. Lekcija po kursu «Ugolovno-ispolnitel'noe pravo». — Rjazan', 1998.
13. *Fedorova A. N.* Sub#ekty juridicheskoj otvetstvennosti po Sobornomu ulozheniju 1649 goda // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta. — 2014. — № 4. — S. 109—111.
14. *Fedorova A. N.* Jevoljucija ponjatija pravonarushenija v period XV—XVII vv. // Vektor nauki TGU. — 2011. — № 3 (6). — S. 90—94.